

DOI 10.25991/AE.2019.58.61.012
УДК 82.12

И. С. Урюпин

Урюпин Игорь Сергеевич — доктор филологических наук, профессор Института филологии Московского педагогического государственного университета,
Is.uryupin@mpgu.su

МИФОЛОГЕМА ЖИТЕЙСКОГО МОРЯ И МОРСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В КОМЕДИИ М. А. БУЛГАКОВА ПО ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»*

В статье исследуется мифопоэтический аспект художественного бытия «гоголевского текста» в комедии М. А. Булгакова «Мертвые души», явившейся не только и не столько инсценировкой знаменитой поэмы русского классика, сколько философско-аллегорической формой самосознания и самовыражения драматурга в начале 1930-х годов. В центре внимания художника оказывается осмысление диалектически сложного пути человека, «погибающего и тонущего», в его скитаниях по житейскому морю. В историко-литературном и культурно-аксиологическом контексте анализируется мифологема житейского моря и морская образность в булгаковском произведении, сюжетно совпадающем с событиями первого тома «Мертвых душ», но имеющем внутреннюю концептуальную связь с идеями и мотивами второго тома поэмы Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, Н. В. Гоголь, «Мертвые души», «гоголевский текст» в русской литературе, комедия, мифопоэтика, мифологема, житейское море, морская образность.

I. S. Uryupin

MYTHEME OF THE EVERYDAY SEA AND SEA FIGURATIVENESS IN THE COMEDY BY M.A. BULGAKOV ON THE POEM BY N. V. GOGOL "DEAD SOULS"

In article the mythopoetic aspect of art life of "the Gogol text" in the comedy by M. A. Bulgakov "Dead souls" which was not only and not just a performance of the well-known poem of the Russian classic, but also a philosophical and allegorical form of the consciousness and self-expression of the playwright in the early 1930s is investigated. The judgment of self dialectically difficult way of the person, "perishing and sinking", in his wanderings by the everyday sea comes under the spotlight of the artist. In a historical and literary and cultural and axiological context the mytheme of the everyday sea and sea figurativeness in the Bulgakov's text in which the plot is coinciding with events of the first volume of "Dead souls", but having internal conceptual communication with the ideas and motives of the second volume of the poem by N. V. Gogol is analyzed.

Keywords: M. A. Bulgakov, N. V. Gogol, "Dead souls", "the Gogol text" in the Russian literature, the comedy, a mytheme, the everyday sea, sea figurativeness.

Начало 1930-х годов в жизни и творчестве М. А. Булгакова исследователи называют «гоголевским периодом»: писатель, переживая мучительные поиски нравственного абсолюта в условиях фантазмагорической «дьяволиады» абсурдных советских будней, «задумывается над теми чертами национального характера и особенностями российской жизни», которые вызывали у его литературного учителя, автора «Мертвых душ», «глубочайшие страдания» [13, с. 222]. М. А. Булгаков, по замечанию А. М. Смелянского, пропускает «сквозь ярчайшую гоголевскую призму» [13, с. 222] события и факты личной и всеобщей истории, обнаруживая закономерности «отдельного и общего существования» человека в эпоху социальных потрясений и тотальной девальвации духовных ценностей, упразднения / умерщвления «души». «Гоголевское слово», выступая для М. А. Булгакова камертоном в его этико-эстетических исканиях, приобретая сакральный

статус, «помогало писателю» поставить и оригинально разрешить «важнейшие онтологические вопросы» [10, с. 33], касающиеся смысла человеческих скитаний в пучине житейского моря.

Прецедентность и культурно-философская ёмкость гоголевских текстов позволила М. А. Булгакову, оказавшемуся в конце 1920-х годов в ситуации жесточайшего идеологического давления и обструкции со стороны литературной и политической власти, передать свои сокровенные размышления о мире и человеке не просто иносказательно и отвлеченно, а, заручившись «поддержкой» классика, в полной мере открыто и прямо выразить собственное понимание важнейших социальных процессов современности. «Судьба берет меня за горло» [4, с. 268], — признавался писатель своему другу П. С. Попову после поступления на службу «в качестве режиссера-ассистента» в Московский Художественный театр, репертуарная коллегия которого

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00374 «М.А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова».

еще в 1926 году приняла решение поставить «Мертвые души» Н. В. Гоголя. М. А. Булгаков хорошо понимал, что «„Мертвые души“ инсценировать нельзя» (курсив М. А. Булгакова. — И. У.) [4, с. 268], все известные ему «160 инсценировок» упрощают и обедняют бессмертную поэму Н. В. Гоголя. А между тем для автора «Дьяволиады» и «Похождения Чичикова» художественный мир Н. В. Гоголя был настолько близок и органичен, что М. А. Булгаков решился написать свою версию «Мертвых душ», получившуюся конгениальной оригиналу.

В конце 1930-го года писатель, «несмотря на очень большие трудности, превратил поэму Н. Гоголя “Мертвые души” в пьесу» [4, с. 234] (об этом в числе достижений в своей творческой деятельности сообщил М. А. Булгаков И. В. Сталину в письме от 30 мая 1931 года). Представленная во МХАТ пьеса, полностью состоящая из «гоголевских слов», по утверждению Л. М. Яновской, звучала «необыкновенно и ново: в завораживающем ритме Михаила Булгакова, с гоголевской необычайностью выражений, с лаконизмом XX века» [15, с. 209]. Но это была не просто пьеса и уж точно не «инсценированная повесть» (драматург предостерегал мхатовцев от такого восприятия его произведения), а комедия в том понимании этого мистериального жанра, какое со времен Данте связывалось с авантюрным странствием человеческой души по кругам жизни (и за ее пределами). Именно «Божественная комедия» явилась «конкретной типологической моделью, на которую ориентировался Гоголь» [6, с. 115] и которую в свою очередь учитывал М. А. Булгаков, расставляя в иносказательной партитуре своей пьесы определенные дантовские акценты. Один из самых важных — аллегорический мотив скитания человека на просторах житейского моря — восходит к эпизоду из двадцать шестой песни дантовского «Ада», где перед взором лирического героя предстает хитроумный Улисс, поведавший историю своих странствий:

И я в морской отважился простор,
На малом судне выйдя одиноко
С моей дружиной, верной с давних пор [8, с. 118].

Но с морской пучиной / природной стихией не может совладать человек, оказывающийся, несмотря на свой ум, находчивость и смелость, игрушкой в руках Провидения:

От новых стран поднялся вихрь, с налета
Ударил в судно, повернул его
Три раза в быстрине водоворота;
Корма взметнулась на четвертый раз,
Нос канул книзу, как назначил Кто-то,
И море, хлынув, поглотило нас [8, с. 119].

Литературоведами не раз отмечалось типологическое и сущностное родство образов Одиссея (Улисса) и Чичикова: «чичиковская бричка действительно становится “судном среди волн, по воле ветров”, как и носимый по морю корабль Одиссея,

безнадёжно отклоняющийся от спасительного пути на Итаку» [16, с. 213]. В булгаковской пьесе мотив странствий по житейскому морю Чичикова становится системообразующим, причем особое значение в произведении приобретает не только мифологема пути в ее духовно-экзистенциальном измерении (как поиск смысла бытия, своего места в мире), но и сама морская семантика этого мотива, ведь морская стихия издревле воспринималась человеком и «как источник жизни, но также и как цель» [11, с. 277] всех его устремлений и порывов. Не случайно уже в первой реплике Чичикова в прологе к комедии М. А. Булгакова «Мертвые души» появляется морская образность, имеющая несомненное символическое значение: «Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти...» [3, с. 93].

В поэме Н. В. Гоголя эти слова принадлежат автору, рассуждающему в заключительной главе первого тома о диалектической сложности, иррациональности человеческой природы, стихийной и непостоянной: «Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его» [5, с. 234]; «Но есть страсти, которых избранье не от человека. <...> Высшими начертаньями они ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, неумолкающее во всю жизнь» [5, с. 234]; «И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес» [5, с. 235]. Предвосхищая путь духовного обновления и преображения Чичикова, который, по мысли писателя, должен был составить основу внешнего и внутреннего сюжета второго тома «Мертвых душ», Н. В. Гоголь актуализирует образный строй покаянной молитвы иудейского царя Манассии из Второй книги Паралипоменон Ветхого Завета, в которой человеческие грехи сравниваются с морским песком: «я согрешил паче числа песка морского. Многочисленны беззакония мои, Господи, многочисленны беззакония мои, и я недостоин взирать и смотреть на высоту небесную от множества неправд моих» [2, с. 440].

Аллюзии и реминисценции из Священного Писания, связанные с морской тематикой, имплицитно и эксплицитно проступают в художественной структуре «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Писатель нередко уподобляет человеческую жизнь плаванию по житейскому морю, волны которого накрывают человека с головой и погружают в самую бездну греха. М. А. Булгаков в своей комедии аккумулирует морскую образность, придавая ей очевидное символическое значение, в разных вариантах реализуя метафорическую семантику концепта волн-стихии, волны-страсти, волны-жребия судьбы. Мотив неодолимой греховной страсти, охватывающей человека, является центральным и в романе на стихи А. С. Пушкина «Черная шаль», который

звучит в прологе булгаковской пьесы в тот момент, когда в столичном трактире у Чичикова рождается преступный замысел о покупке мертвых душ. Преступление (убийство несчастных любовников), являющееся кульминацией пушкинской баллады, покрывают дунайские волны, и в сознании Чичикова настойчиво повторяются слова хора: «Мой раб, как настала вечерняя мгла, в дунайские волны их бросил тела» [3, с. 95]. В волны своей навязчивой идеи бросается и Чичиков. В гоголевской поэме такой мотивировки поступков Чичикова нет, это сугубо булгаковская трактовка образа одержимого страстью человека, полностьюверяющего свою судьбу потоку Провидения.

Однако и в комедии М. А. Булгакова, и в поэме Н. В. Гоголя сам Чичиков признается: «Жизнь мою можно уподобить как бы судну среди волн, ваше превосходительство» [3, с. 96]; «Судну?» — переспросил губернатор, «Судну, ваше превосходительство» [3, с. 96], — уверенно повторил Чичиков. Этот диалог, разворачивающийся в первой картине первого акта пьесы, задающий идейно-философскую тональность всему произведению о «плавающих-путешествующих» по житейскому морю, восходит ко второй главе второго тома «Мертвых душ» и происходит не с губернатором провинциального города NN, утратившим «живую» душу, как и все встреченные Чичиковым на его пути помещики, а с генералом Бетрищевым, образ которого открывает галерею сановников не с «мертвой», а с «живой» душой. Но подлинным идеалом справедливого властителя оказывается безмянный генерал-губернатор, вершащий последний / окончательный суд в финале гоголевской поэмы. Именно ему в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» Чичиков признается в своих аферах, а по сути исповедует свои грехи, уповая на высшую милость: «Кровью, ваше сиятельство, кровью нужно было добывать насущное существование. На всяком шагу соблазны и искушенья... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была точно вихорь буйный или судно среди волн, по воле ветров» [5, с. 466].

Сравнение человеческой жизни с судном, «с кораблем смоляным», носимым по морю «буйной дурью ветров» [1, с. 41], восходящее к элегии древнегреческого поэта Алкея «Буря», в «Мертвых душах» приобретает смыслообразующий, архетипический характер. «Связь Корабля (лодки) с человеком» [12, с. 18], с его участью и его сущностью актуализируется М. А. Булгаковым в самом сюжете произведения. Не случайно на протяжении всего действия комедии Чичиков обращает внимание собеседников на перипетии своего странствия по житейскому морю. Так он сетует Манилову: «Да и действительно, чего не потерпел я! Как барка какая-нибудь среди свирепых волн...» [3, с. 105]. И даже находясь в «арестном помещении», до конца пройдя путь искушений и соблазнов, в минуту раскаяния Чичиков вопрошает: «За что же такие удары? Где справедливость небес? Что за несчастье такое,

что как только начнешь достигать плодов и уж касаться рукой, вдруг буря и сокрушение в щепки всего корабля» [3, с. 142]. В гоголевской поэме эти слова произносит Чичиков в беседе с Афанасием Васильевичем Муразовым, благочестивым стариком-миллионером, во всем уповающим на Бога и стяжающим мирской капитал ради духовных целей: «Что ж за несчастье такое, скажите, — всякий раз, что как только начинаешь достигать плодов и, так сказать, уже касаться рукой... вдруг буря, подводный камень, сокрушение в щепки всего корабля» [5, с. 469].

Судно, барка, корабль — так по-разному именуется Чичиков ковчег человеческой жизни, плывущий в океане вечности, а буря — это аллегорический образ испытаний, посланных свыше на той самой дороге бытия, по которой устремляются вперед «народы и государства». «О, дорога, дорога!» — восклицал Первый в финале булгаковской комедии «Мертвые души». — «Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала» [3, с. 145]. О том, что эта дорога пролегает над морской бездной, а не простирается по земной глади, свидетельствует и сам лирический герой, «погибающий и тонущий», причем отнюдь не только в метафорическом, но и в буквальном смысле этого слова, ведь тонуть означает «идти ко дну» (свое толкование В. И. Даль иллюстрировал показательным примером: «Лодка потекла, тонет» [7, с. 415]). Тонущая лодка в идейно-философском контексте булгаковской пьесы становится символом балансирующего между жизнью и смертью, бытием и небытием человека, которого «всякий раз великодушно» спасает Судьба и / или божественный Кормчий. Однако в «Мертвых душах» и Н. В. Гоголя, и М. А. Булгакова образ кормчего / кучера Чичикова нарочито травестируется, но при этом акцентируется его «морское» начало: «Страшилище морское!» [3, с. 140] — так далеко не случайно называет Чичиков Селифана, подчеркивая его мифопоэтическую ипостась трикстера — божества и вместе с тем чудовища / «страшилища», поскольку само имя персонажа восходит к латинскому «*Silvanus*; ср. Сильван — лесной бог (Пан, Фавн)» [14, с. 201].

Так, в комедии «Мертвые души», лишь на первый взгляд кажущейся созданной по сюжету и мотивам гоголевской поэмы, М. А. Булгаков сумел весьма оригинально развернуть духовную историю человека (не только и не столько Чичикова, но человека вообще), актуализировав «скрытые смыслы текста», привнеся в него «дополнительные семантические оттенки» [9, с. 39], которые существенно изменили общую идею первоисточника, обогатив новым онтологическим и экзистенциальным содержанием мифологему «житейское море», ставшую интегральным образом-символом всего произведения.

Литература

1. Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе с размерами подлинников Вячеслава Иванова. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1914. 222 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Моск. патриархии, 1989. 1372 с.
3. Булгаков М. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кабала святош. Пьесы. Роман. М.: Голос, 1999. 720 с.
4. Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. Письма. М.: Центрполиграф, 2004. 605 с.
5. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 5: Мертвые души. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 680 с.
6. Гольденберг А. Х. К проблеме дантовского архетипа в поэтике Гоголя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2007. № 5 (23). С. 115–119.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. Н — В. М.: ТЕРРА, 1995. 688 с.
8. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Наука, 1967. 628 с.
9. Дергилева О. С. Гоголевские цитаты у М. А. Булгакова // Русская речь. 2012. № 4. С. 37–39.
10. Иванова Е. С. Гоголевское «слово» в творчестве М. А. Булгакова: Дисс... кандидата филолог. наук. Тамбов, 2016. 225 с.
11. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: Центрполиграф, 2007. 525 с.
12. Мещерякова А. А. Образ корабля в мировой литературе // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. М.; Ярославль: МПГУ — Ремдер, 2004. С. 17–22.
13. Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. — М.: Искусство, 1989. — 432 с.
14. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
15. Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Сов. писатель, 1983. 319 с.
16. Янушкевич М. А. Сюжетная структура поэмы «Мертвые души» в соотношении с античной эпической традицией (Гоголь, Гомер и Вергилий) // Образы Италии в русской словесности. Томск, 2011. С. 212–219.